

4-462/23

№ 16 (46)

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЦЕНЗУРА

КРОКОДИЛ

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, — СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Рис. М. Черемных.

ПОДЛИННАЯ СТЕНОГРАММА.

I.

Из передовицы «Правды» от...
«Цифры и факты о положении тяжелой индустрии, сообщенные на вчерашнем заседании партсъезда, во многом совсем по иному осветили положение. В предложенных резолюциях и поправках выявились все характерные течения в рядах хозяйственников. Всякий член партии должен внимательно ознакомиться с сообщенными материалами».

II.

Из предисловия к стенограф. отчету N съезда Р. К. П. (большевиков).

«К сожалению, редакции не удалось восстановить некоторых неизбежных пропусков в стенограммах».

III.

«Из стенографического отчета N съезда Р. К. П. (большевиков) (Госиздат. М. СПб.; Гиз. № 1666).

«Камнев. О положении тяжелой индустрии красноречиво говорят цифры, полученные мною (после больших усилий) из ВСНХ. Вот они (читает). Еще интереснее положение в Донбассе (читает). Примерно то же и на Урале (читает). Эти цифры говорят сами за себя. И совершенно прав был т. Ленин, когда он писал в «Правде» (читает). Наша резолюция формулируется так (читает)».

Ларин. Цифры и факты, только что сообщенные, были бы вполне убедительны, если бы они были достоверны. Но этого нет. Вот что говорят данные Госплана (читает). В отчете комиссии Сто. ездившей на Урал, черным по белому написано (читает). С другой стороны, в отчете т. Чубара о Донбассе значится (читает). Но еще более характерны факты, сообщаемые из Петрограда (читает). Поэтому я предлагаю такую поправку (читает).

Богданов. Цифры т. Ларина отмечены печатью присущей ему фантазии. Вот действительные трижды проверенные данные (читает). И еще (читает). Еще один факт (читает).

Председатель. В президиум поступило следующее заявление (читает). Это просит слова».

(И т. д., и т. д.).

IV.

Стенографистка Неточнина (соратнице поперу):

— Вчера было легкое заседание. Записывать почти не приходилось. Делегаты только цитировали да оглашали резолюции и поправки.

Кто-то.

МЕХАНИЧЕСКИЙ ДИРЕКТОР.

В заводууправлении, в кабинете, за письменным столом сидит директор. В правой руке у него цветной карандаш, в левой печать, изо рта через каждую минуту выскакивают слова: «Денег нет!», «Следующий!»

На директора очередь, голова которой вплотную прилипла к письменному столу, туловище растянулось по кабинету и приемной, а хвост теряется в коридоре.

С девяти часов утра безостановочно правая рука директора подписывает бумаги, левая ставит печати, а рот выкрикивает:

— Денег нет! Следующий!

— Товарищ директор, явь божеску милость, дай авансу...

— Денег нет!

— У меня, товарищ директор, жена родила, так что на крестины...

— Следующий!

Так продолжается до двух часов. С директора тонкими струйками стекает пот, руки еле движутся, из горла вылетают хриплые звуки:

— Днет... слещ...

Последним подходит к директорскому столу корреспондент московской газеты.

— Вы, товарищ, директор?

— Денег нет! — хрипит директор, не глядя на корреспондента.

— Каких денег? — удивленно спрашивает тот.

Директор устало поднимает глаза, тупо смотрит на корреспондента и спрашивает:

— Вы... разве... не за деньгами?

— Извините, — улыбается корреспондент, — я представитель московской газеты, приехал познакомиться с вашим предприятием.

Директор облегченно вздыхает, выпускает из рук карандаш и печать и говорит:

— Садитесь пожалуйста. Я сразу не сообразил. И не мудрено. За пять часов я принял 896 человек, подписал 2348 бумаг и поставил 1295 раз печать.

— Це-це-це, — сочувственно чмокает губами корреспондент, — что вы говорите! Неужели две тысячи подписей?

— Это что! — горько усмехается директор, — перед пасхой я не вставал со стула десять часов, подписал 15000 бумаг, принял 6750 человек и поставил 12345 печатей. Потом меня отливала водой. Пришлось вызвать массажистку. Да. Еще месяц такой «работы» и я буду инвалид.

Директор устало никнет головой, а корреспондент, нахмурившись, сосредоточенно думает, потом щелкает пальцами и говорит:

— Да зачем же вы себя так мучаете! Перейдите на механический способ!

— То-есть, как на механический? — спрашивает директор.

— А очень просто. Закажите автомат, руки которого будут подписывать и ставить печать, вместо головы приделайте граммофонную трубу которая будет выкрикивать «Денег нет!»

Директор бьет себя ладонью по лбу, радостно смеется и говорит:

— Блестящая идея!

Через месяц — в кабинете директора восседает автомат. Руки механически подписывают бумаги и ставят печать, граммофонная труба бойко выкрикивает:

— Денег нет! Следующий!

Директор стоит рядом, потирает руки и говорит автомату:

— Так, так, голубчик, действуй, а я теперь займусь производством!

А еще через два месяца производительность завода увеличилась на 50 процентов.

Архип.

В деревнях Красноуфимского уезда возникли „бабушкины школы“: красноуфимские кочующие учителя и учительницы ходят по избам и преподают азбуку.

Рис. М. Черемных.

„Уральский Рабочий“.

Бабушка Аксинья (обращаясь к „передвижной ученице“): — Вот те, девушка, аттестат. Пригодится. Теперь все грамотных ищут — скорее замуж возьмут.

БУРЫГИН.

Сдали десятипроцентную норму—ждать начали, кого вселят. Смотрят, в 14 квартиру студенты въехали, и не то что партийные, или еще что-нибудь, а так, как есть студенты, и ничего больше...

Вдохнули радостно, ждут, чего дальше будет. В 9-ю—зубной врач въехал. Судилирядили—не иначе, мол, самому Троцкому зубы вставляет, или Каменеву, например. Ан-нет, врач, как врач, из лодзинского сословия, и человек, видать, порядочный, до всех уважительный, к большевикам не касаемый, а что комнату получил, так просто родственники в Жилотделе нашлись.

Ну, думают, пронесло. Одна вот 7-я осталась, кого в нее нечистая занесет. А в седьмой—квартирохозяином Цветов, тот самый, что на одном Смоленском с пяток палаток имеет. И притом на Сухаревке—еще три. Одно слово,—положительный человек и при деньгах. Ну, вот. Комнату у него изъяли, не отстоял, потому куда-ни-глянь излишки одни. Ну, и ждал. Вечером как-то звонят, открыла дверь Маша: «Пожалуйста».

— Здравствуйте, с ордером я, значит. На предмет комнаты. Обомлел Цветов, выбежал в переднюю, кланяется. Немного это пришел в себя, осмелел.

— А вы, говорит, господин товарищ, из каких будете? А тот, этак, уклончиво и ответь:

— А так..
— Да, думает Цветов, по одному обращению—не иначе, коммунист. Ну, нечего делать. Повел в комнату, объяснил, которая в голландке заслонка, который—клозет, и все прочее. Выслушал все гость незванный, головой покачал:

— Так-де... Так-с.
А от этого «так-са» в пятки ушла цветовская душа, потому—с чего человек такими словами выражается. Однако, семь бед—один ответ,—махнул рукой Цветов, спросил:

— Фамилия ваша, позволите полюбопытствовать?
Сказал гость:
— Не боле, не мене—Бурыгин.

Сказал и ушел. Пообещал только: «К завтраму переду!»

Совсем обалдел Цветов. Шутка-ли, живого коммуниста не то, что в доме,—в квартире своей иметь.

Долго ли, коротко—переехал Бурыгин. Чемоданы с ним из кожи нильской, саночки там всякие, а чтоб на счет мебели—так никак нет. Последние сомнения у Цветова стояли, потому у какого человека чемоданы такие могут быть, иначе как у товарища.

Посоветовался Цветов с женой. Пришел к Бурыгину в комнату и начал:

Из „Похождений Крокодила“.

ис. Ив. Малютина.

И в церквях и в синагогах
Продавая людям бога,
Ксендза, мулла, раввин и поп —
Всяк лопатой деньги греб!

Набивали все карманы,
Но поповски обманы
Разом кончил Крокодил:
Всех он сгреб и — проглотил!

— То да се... Человек холостой вы, как водится... Так позвольте вам от чистого сердца мебель, так-сказать, преподнести.

Осклабился Бурыгин:
— Что ж, в обиде не буду, господин Цветов.

Услышал Цветов, чуть не заплакал с испугу,—не иначе из ГПУ. Ишь допытывает. Нарочно господина загнул.

Прожил денек Бурыгин. Спит еще, а в двери Цветов стучит:

— Извиняемся-де, товарищ, ежели думаете, что Маша прислуга здесь, то заблуждение имеете. Потому сродственница она, племянница покойной моей матери, или в роде...

— Так,—огорчился Бурыгин,—так... А насчет самовара как?..

— Да вы уж не сомневайтесь,—залебезил Цветов,—ежели самовар, скажем, или в лавочку,—меня посылайте. Не угодно ль, сейчас за папиросами сбегаю.

Живет Бурыгин, ходит куда-то с утра, почитай, весь день пропадает. А у Цветова гнусь на сердце какая-то, и грызть гложет.

Думал Цветов, три ночи не спал, в размышлении бодрствовал. На четвертый—зашел к Бурыгину, вытащил из бумажника чего-то. Прочел Бурыгин, невдомек как-то написано: «Дано сие от пожарной команды такой-то товарищу Цветову в том, что состоит он агентом по пожарному осмотру ретиратов» и прочее...

Помозговал Бурыгин, обрадовался будто.

— Очень, говорит, даже приятно, с совработником по-соседству жить.

А Цветов ему:
— И что вы, товарищ Бурыгин, думали, что в роде напмана я, то ошибка это и чичего больше. Служу я, как видите, и сам в рабочую фракцию рад бы...

Неделя еще прошла, нет спокойствия Цветову, хоть бы что.

— Коммунист—де, штука опасная. Чего у него на уме? Не выкинул бы, зловреда, номера. Надо бы выведать.

Надоумился Цветов, пригласил Бурыгина на крестины. Выпили с Бурыгиным. Честь-честью дербалъзнули. Тряхнул мощной Цветов; и вина, и копытки тебе разные; чуть-что до шампанского не дошло. Охмелел Бурыгин, расчувствовался, облобызал Цветова. Скумекал тот, этак живе-вехонько и заправил:

— Налоги-де, Иван Иванович, так как бы... Чай, коммунист вы, знакомства всякие есть...

Удивился Бурыгин:
— Что вы, какой-такой коммунист? На вас полагаю—не в партии ли. А насчет меня извините. У самого от налогов шея надсажена. Потому на бирже маклером состою и дела еще кой-какие, а что по ордеру въехал, так пять лимонардов уплочено...

Услышал Цветов, инда позеленел весь. С кулаками на Бурыгина бросился.

А через неделю-другую—в Нарсуде был. За оскорбление биржевого маклера Бурыгина действием.

Свен.

Библиотека „КРОКОДИЛА“. Печатаются и на днях выйдут в свет: „ПРИКЛЮЧЕНИЯ“.

Две книжки рассказов Свена, Мих. Козырева и др. авторов.
Обложка и иллюстрации худ. Ив. Малютина.

С требованиями обращаться по адресу:
Москва, Охотный ряд, Главная контора „Рабочей Газеты“.

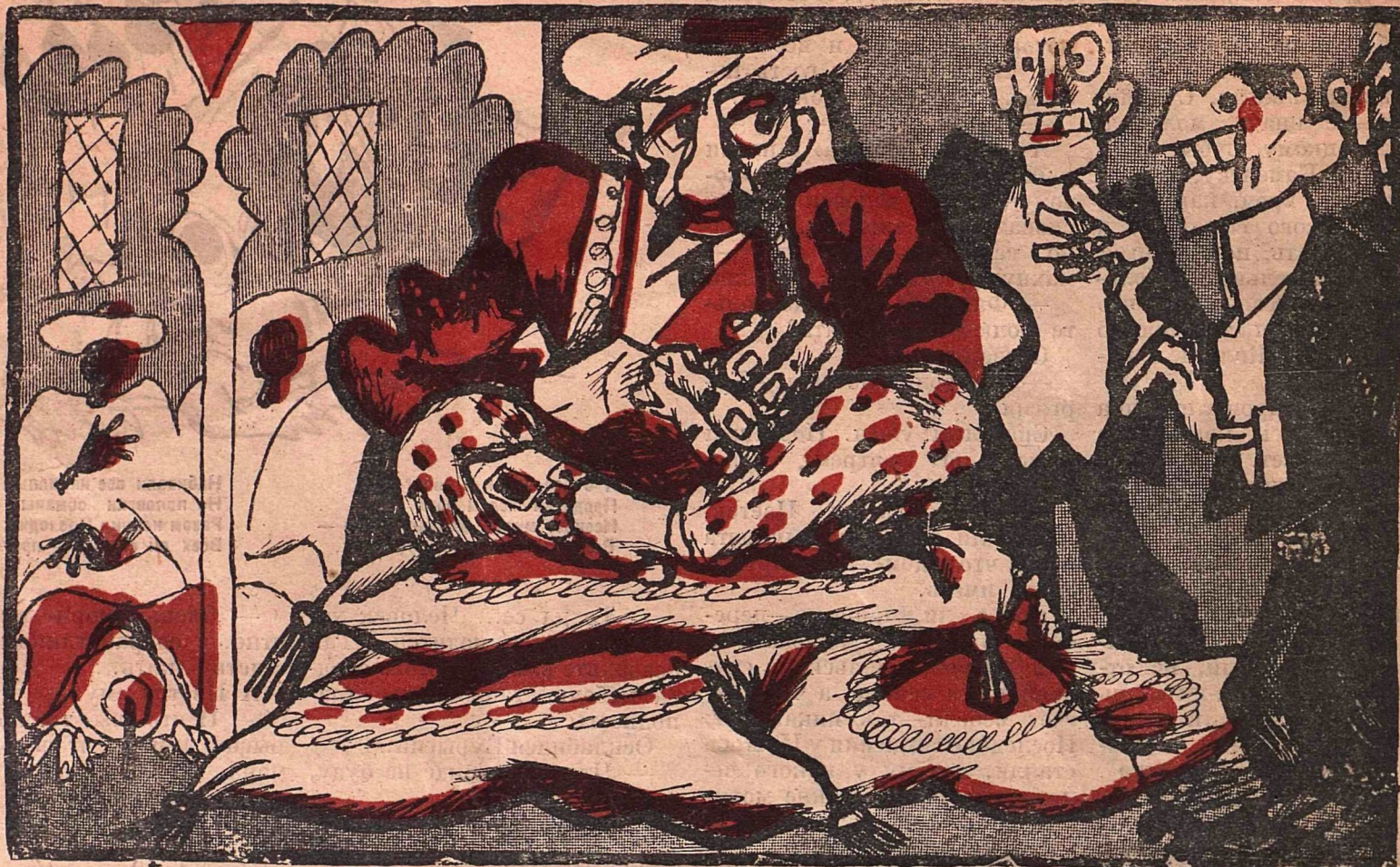
Король Курдистана.

(Потрясающая картина в двух сериях)

Недавно сфабрикованный англичанами король Курдистана Махмуд перешел на сторону турок в их бою с англичанами.

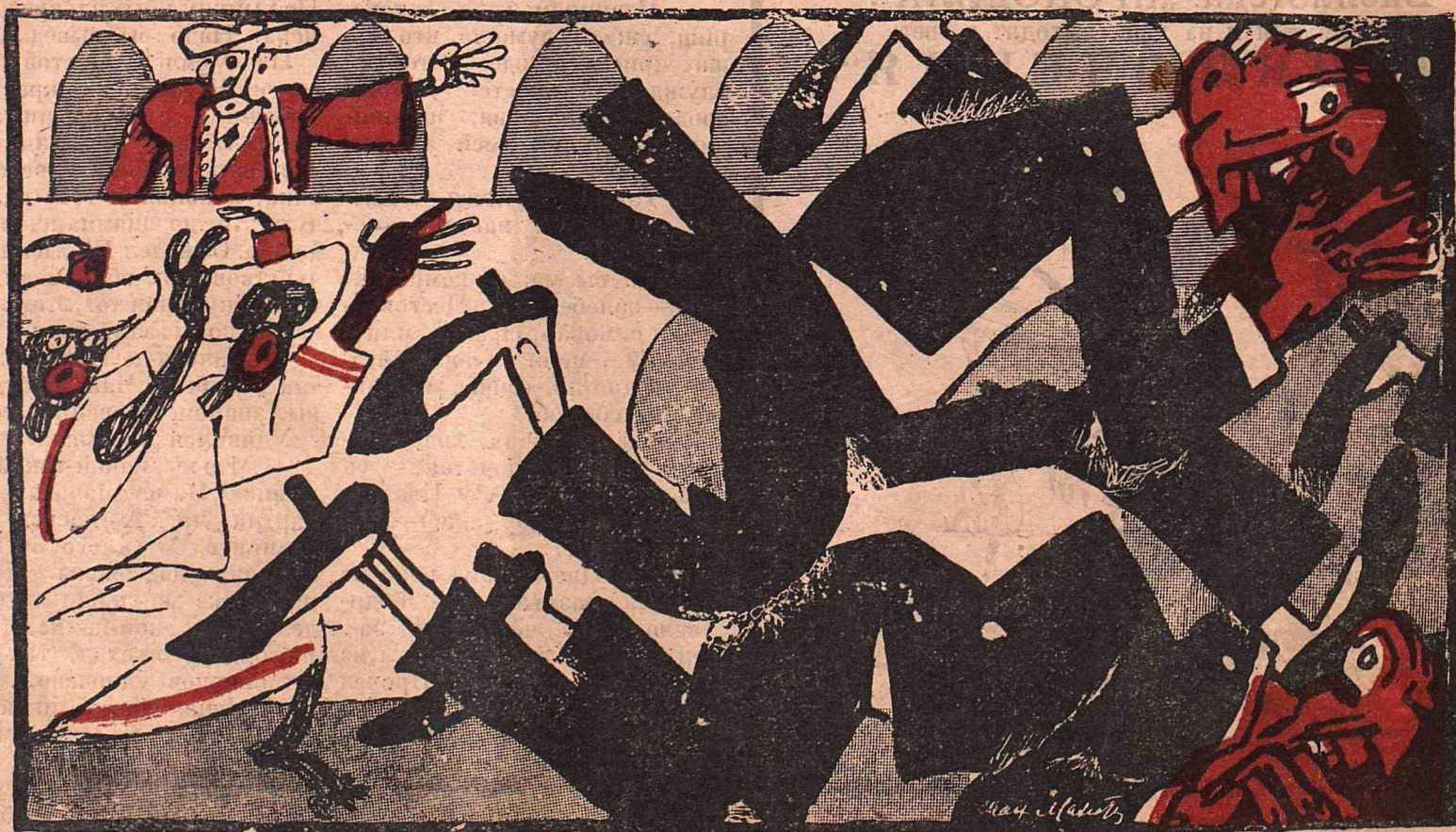
Из газет.

Рис. Ив. Мамотина.

Англичане так восклицали:
— «Чтоб пресечь возможность смут

Чтобы турки и не пикнули,—
Нужен им король Махмуд!»

Но подвел Махмуд блистательный.
Им приказ такой был дан:

— «Я король самостоятельный!
Турки! Бейте англичан!»

Случай, имевший место.

Уже три дня художник Цветахин, умиляясь, ходил по узким улочкам, мимо домиков с палисадниками, по городскому саду, где гипсовые памятники из кубов и конусов отдаленно напоминали человеческую фигуру.

Двенадцать лет прошло над уездом, двенадцать лет пролетело над городком, где когда-то носился курносый, вихрастый мальчуган в фуражке с гербом городского училища, а теперь вихрастый мальчуган расширился, вытянулся и заполнил длинное, широкое английское пальто, и слава незримо веяла над ним. Цветахин, создавший школу, Цветахин, во имя которого били кулаками о поштыры на диспутах критики, мирно гулял по родному городу и мирно жил в одноэтажном деревянном домике в предместье у престарелой тетки, пока слух о его приезде не долетел до дома с пузатыми, желтыми колоннами. В доме бывшего купца Пинегина, как известно, помещался отдел народного образования и кому как не ИЗО знать о приезде в родной город великого Цветахина? На пятый день пребывания Цветахина на родине, розовый, курносый мальчуган разбудил его, заставил расписаться в книге и, оставив пакет, исчез, стоически захватив папиросу.

Секция Изо при уезднародобразе поздравляла Цветахина с приездом и рассчитывала на дарование Цветахина.

И в три часа дня Цветахин сидел против некоего Смагина, робевшего перед столичной знаменитостью...

Смагин, однако, осмелился:

— Просьба к вам, дорогой товарищ... Ваш родной город имеет преимущественное право на вашу кисть в особенности в связи с предстоящими торжествами...

— Чтонибудь важное?..

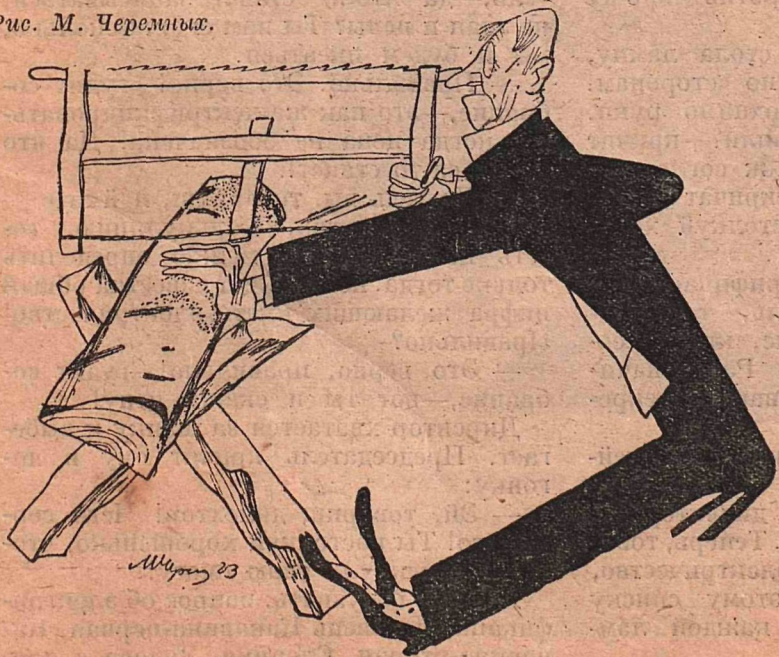
— Именно... Вольшой шаг вперед нашего уезда. Восстановление деятельности конского завода бывшего купцов Пинегиных, бездействовавшего три года, за отсутствием производителей, угнанных белыми.

Цветахин удивился. Собственно при чем же тут он, Цветахин.

— Как при чем?.. Земельный отдел желал бы отметить это событие установкой большого плаката. Плакат, изображающий жеребца во всех статьях символизирующего будущее нашего уезда, некогда прославившегося жеребцами—тяжеловозами.

— Но, дорогой мой. Мне лестно отметить мое пребывание на родине, но, как вам известно, мой левый прием, моя манера, моя школа, наконец. Я не натуралист, чорт возьми... Но я первый пророк в своем отечестве... Я—Цветахин.

Рис. М. Черемных.

РАСКАЯВИВШИЙСЯ ЭМИГРАНТ:—Перед поездкой в СССР надо выучиться хоть каком, -нибудь производственному труду...

Р. с. Ив. малюткина. „Патентованная“.

В Витебске одной гадалщице-хиромантке было выдано промысловое свидетельство. Из газет.

Патент имеешь? Ну, торгуй на здоровье! По мне, хучь самогон гонь—только с патентом!

2.

Что было в зале бывшего дома Пинегиных? Почему так почтительно ходили по корридолу барышни из Тео, Изо и Музо? Почему сам Смагин не смел стучать сапогами по купеческому паркету в зале дома Пинегиных? Четыре с половиной аршина на три с половиной—холст. Перед холстом в бархатных штанах—Цветахин. А на холсте конь, ярящийся, раздувающий ноздри, пегий. За конем—заря.

День за днем и неделя. В конце недели перед дверями зала в нетерпении стоял исполком, уезднародобраз, жидземотдел и финотдел, и еще многие сограждане Цветахина.

Вот раскрылись двери, и конь точно рвется на них из холста, раздувая ноздри, дыша на сограждан Цветахина.

— Хорошо...—сказал тов. Стахов из Финотдела...

— Хорошо!—поддержали голоса.

— Хорошо...—как колеско-кольчики залепетали машинистки.

И слава незримо веяла над сромным взором и поникшим челом Цветахина.

Но, как в одной устарелой сказке, вошла непрошенная фея в кожаной тулупке и выдвинувшись вперед мрачно сказала:

— Конь, как надо... а ноздри?..

Цветахин тряхнул головой...

— Дорогой товарищ... Я не натуралист... Я—сам школа... Я Цветахин ультра-экспрессионист... Я, Цветахин, дал коня, как призму зари... Заря светит сквозь ноздри коня. Заря светит в конские ноздри... Разве это не символ, дорогой товарищ.

Но тот, что спросил о ноздрах, повернулся к согражданам Цветахина.

— Может-быть, и символ, гражданин... Но какой?..

И добавил совсем мрачно:

— По моему, у коня—сап!

3.

Все пошло прахом. Цветахин ушел к тетке. Хмурое небо было над Цветахиным и злобная тишина нависла над домиком в три окна.

Но Цветахин—Цветахин... Он не сдался. Ранним утром, прежде, чем Смагин пришел в уезднародобраз, два человека вошли в зал и долго стояли перед холстом четыре с половиной аршина на три с половиной, а потом ушли тихо, как призрак.

И когда Смагин, похудевший от бессонной ночи и поражения, опустился на стул перед своим столом, прямо перед глазами он увидел лист бумаги—несколько строк и печать:

Удостоверение.

Дано сие жеребцу принадлежащему на картине Акакию Цветахину гнедой масти без тавра в том, что при осмотре означенного коня никаких признаков сапа мною не обнаружено.

Уездный ветеринар Бабакин.

Так победил Цветахин.

Л. Ник.

ЭЛЕКТРИФИКАЦИЯ.

Рис. М. Черемных.

Главный раввин в Америке заступился за коендза Цепляка.
Из газет.

Завод окружают деревни: Канавина-первая, Канавина-вторая, Слепина, Зудова и другие. Освещение в деревнях керосиновое, а у завода своя электростанция.

— Эх, хорошо бы нам лектричество, — думают Канавинцы. Слепинцы, Зудовцы и другие, — свет бесхлопотный и много лучше керосинового. Повернул раз — светло, повернул два — темно. Экономия спичек и опять-же...

Подумавши, идут к директору завода.

— Здравствуй, товарищ дилехтор. Мы к тебе на счет лектрификации. Потому лектричество куда способней керосину и опять же экономия в спичках...

— Вот это, товарищи, прекрасно, — говорит директор, — это вы умно придумали. Очень хорошо. Вы вот что, соберите сегодня сход в Канавине-первой, я приеду и сделаю доклад, а там и за лектрификацию примемся.

Вечером в пожарном сарае Канавина первая народу битком набито.

В углу за столом восседает президиум схода — председатель Никита Куцый и секретарь Анисим Беспалый. Тут же сидит директор. Сарай освещает маленькая керосиновая лампа, света ее хватает только на стол. Остальные углы сарая тонут во мраке.

— Товарищи! — зычным голосом выкрикивает Никита Куцый, — объявляю собрание открытым. Повестка дня — вопрос с лекгрификацией. Слово предоставляется товарищу дилехтору.

— Товарищи, — говорит директор, — я очень рад тому, что вы сами надумали лектрифицировать свою деревню. Лектричество обойдется вам дешевле керосина. От лектричества не портится воздух, нет копоти. Лектричество можно приспособить к молотилкам; в день молоть 1000 пудов хлеба...

Директор говорит просто, понятно. Сход выслушивает его внимательно. Затем слово берет Никита Куцый.

— Товарищи! — кричит он, — все поняли, что сказал товарищ дилехтор? Кто не понял, прошу задавать вопросы. Раз! — и, не дожидаясь вопросов, Куцый продолжает:

— Мы, товарищи, должны поддерживать товарища дилехтора на счет нашей анцагивы. Лектричество, товарищи, много горязей керосину. Опять-же обнаковенно должны мы, товарищи, быть в будущем не отпорны и смекнуть свою смету. Как ваше еще предложение, а я кончил свое слово.

Председатель садится и вытирает рукавом со лба пот. Из углов сарая доносятся возгласы:

— Чево там разглядывать!

— Согласится чичас всем!

— Как большинство.

— Да что большинство. Оно завсегда одоляет.

— Вношу словс-предложение.

— Правильно!

Из темного угла слышится чей-то тенорок:

— Правильно-то правильно, да вот налоги одоляют, хучь зубы на полку клади.

— Слышь! — толкает председатель директора, — тсже хлопает языком, паску да. Зубы на полку! А у самого тридцать пять возов намолочено. Кулачек!

„Святая троица“.

Он срывается с места и кричит:

— Товарищи! Чего разговаривать! Ежели желаете, так откроем прения. Не надо? Я тоже за это, чтобы не открывать. Так я голосую. Согласна ли деревня Кунавина-первая взять лектрификацию? Кто согласен, прошу оставаться спокойным, кто против — ну поднять руки!

Председатель берет со стола лампу, поднимает и водит ею по сторонам. Большинство собрания подняло руки.

— Чего-ж вы руки подняли? — кричит на них председатель, — вы-ж согласны!

— Конечно, согласны! — кричат с разных сторон. — Да ты растолкуй хорошенько!

— Кто согласен за лектрификацию, — снова кричит председатель, — тех прошу соблюдать спокойствие, кто не согласен, поднимите руки! Раз! Значительное большинство. Товарищ секретарь, запишите!

— А какая цена? — спрашивает чей-то голос.

— Ах, да, — вспоминает директор, — о самом главном я и позабыл. Теперь, товарищи, желающие иметь лектричество, должны записаться. По этому списку я высчитаю стоимость каждой лампочки.

— Так ты скажи цену сейчас, — предлагает директору председатель.

— Да ведь как же я сейчас могу сказать цену, — говорит директор, — вы составьте список, тогда и можно будет определить цену. Запишется больше — цена будет дешевле, меньше — дороже.

— Чудак ты человек, товарищ дилехтор, — говорит ухмыляясь председатель, — да кто-ж станет записываться, не зная и цены? Ты нам скажи сколько, мы и будем писаться.

— Правильно. Это верно! — гудит собрание, — это как же лектрифицироваться, когда цена не обозначена! Да кто писаться-то станет!

— Да ведь вы, товарищи, поймите, — говорит директор, — калькуляцию, то есть цену лампочки можно определить только тогда, когда будет известна общая цифра желающих иметь лектричество! Правильно?

— Это верно, правильно! — гудит собрание, — вот ты и скажи цену!

Директор хватается за шапку и выбегает. Председатель кричит ему в догонку:

— Эй, товарищ дилехтор! Чего серчать-то! Ты растолкуй хорошенько, чтобы мы смекнули свою смету!

Хорошо бы узнать: вопрос об лектрификации деревень Канавина-первая, Канавина-вторая, Слепина, Зудова и прочие, решен ли уже, или все еще не могут сговориться?

Архип Южный.

Утро в Питере.

Гис. В. Козминского.

На востоке туманится ало
Чуть замстная дым-а восхода.

Поезд звонко кричит у вокзала,
Загудели гудки на заводах.

Веет холод предутренне-знобкий,
Пробирается льдинкой за ворот...
Неохотно, медлительно-робко
Просыпается каменный город.

ВИЛЫ В БОК.

Полезное чтение.

Нам пишут из Торжка:

«Ответственный редактор новоторжской газеты «Пламя», тов. Евграфов, вот уже 7-ю лекцию-фельетон читает своим подписчикам-крестьянам о... княжеская Торжка. Седьмой раз на страницах газеты т. Евграфов рассказывает историю новоторжских князей. Даже в номере 9 газеты от 11/III с. г., посвященном февральской революции, целый подвал уделен перечню наиболее «деятельных князей».

Советуем добродетельному редактору со след. номера перепечатывать целиком «историю» Иловайского, которая сплошь состоит из историй князей, княгинь, а также царей и цариц. Печатать надлежит до тех пор, пока граждане-читатели поназидаются до того, что выберут редактора в Алжирские беи (князь), снабдив его подлежащей шишкой.

Восторженный.

В Туркестане есть город Полторацк, а в оном некий Н. Зорин печатает в местных «Известиях» следующие стихи:

У ИЗГОЛОВЬЯ ИЛЬИЧА.

Ильич, Ильич, родимый наш старик!
Смотри, с какой великою любовью
Гранитный Кремль к плечам твоим
Поник,

Глядя на жертвенное наше изголовье!
Пусть каркают на клиросах Палат
Ливрейные, парламентские тени.
И вторят им, гнусавя невпопад,
Чревовещательные экстра-бюллетени.

Как это «Кремль к плечам поникает» и почему бюллетени (чьи?!.) сделались «чревовещательными», — секрет редактора местной газеты. Но воистину говорят: заставь такого поэта стихи написать, а он и лоб расшибет.

„Чужой беде не смейся, голубок!“

В Иваново-Вознесенске, по сообщению «Рабочего Края»

«... происходит собрание райкома... Вдруг врывается пьяный гр. Челноков, слесарь бонячкинской ф-ки, а за ним коммунист В. Зайцев. Оба стучат кулаками по столу. Челноков кричит:

— Товарищи-и-и... Вы спите!... а там-м-м... Белов, содержатель чайной, разводит пьянство... Я пьян-пой... Арестуйте меня, но я привел вашего товарища, он еще пьянее меня...

Зайцев кричит:

— Я еще и не сказал, что я трезвый, да, я пью, а ты что радуешься?

С трудом удалось в таком шуме до- телефониться до н-ка милиции, кото- рый обоих стравил, куда следует».

Милая картина: пришли, показались и «сели»! А что же с Беловым?

Сурьезный характер.

В Петрозаводске поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем. Первый там называется Огвид (Губ. Инт. дистанция), а второй Карел. Проф. Совет.

Огвид в одной из комнат Профсовета поставил свою мебель. Профсовет потребовал убрать мебель и пригрозил даже при содействии милиции «выставить мебель во двор».

На это со стороны Огвида последовало буквально следующее:

... «я думаю, что бывшему моему под- чиненному Р. не мешает знать како- ны взаимоотношения между Управле- нием дистанции и Карпрофсоветом и что за выставление на двор мебели мож- но дожидаться того, что я прикажу вы- ставить все Ваши учреждения на двор. Прорабу П. обеспечить перевозкой в определенное место. Ваши предложе- ния для меня никакого значения не имеют, как за любой неподобающий Ваш тон, а также беспартийной че- репаше, это нас показывает во всей своей красе: Калининский, Шацкий».

Вслед за письменными излияниями ссора перешла на живой язык. В резуль- тате полетело 20 жалоб по всем инстан- циям вплоть до Центр. Ком. Р. К. П. Интересно, — как встретятся «враги» в одной и той же камере (на предмет отсижки) и о чем будут разговаривать?

Хозрасчет.

Копейка—рубль бережет. В Самаре водопроводный отдел Комхоза не только ведет тщательную запись недоимок за воду в 1922 г. в количестве 0,03 р., но даже выписывает по три раза счета на эту сумму и посылает сборщиков к домкомам с требованием уплаты недоимки. Сборщики домкомов не застают и тоже ходят по нескольку раз.

Крокодил предлагает решить следующую задачу: 1) сколько стоит 0,03 руб., если заводопроводным отделом получает по 17-му разряду, бухгалтер по 16-му, а счетоводы и сборщики расходуют на получение недоимки по три рабочих дня, и 2) во что обойдется ведро воды в текущем году расчетли- вому Коммунхозу.

„Не только людей, но и свиней...“

Корреспондент Симбирской газ. «Эко- ном. Жизнь» в селе Тарханах разгово- рился про местного фельдшера.

И вышел там такой «разговор»:

— Где же он учился?

— Он самоучка дошел.

— Но, ведь, это очень трудно.

— Да, он, видишь ли, в армии был, к лошадям был приставлен, лошадей лечил, а потом по книжкам и до людей дошел.

— Ну и, что же? Хорошо лечит? По- могает больным?

— Когда как! Доктора, ведь, тоже не боги. Тиф он очень хорошо лечит. Порошками. Потом берет. Как 7 ру- бах больной снимет от поту, так зна- чит, и пройдет.

— И вознаграждение берет?

— С мертвых не берет ежели кто значит умрет. А кто выздоровеет, ну те несут, кто чево.

— Как же это он так легко с лоша- дей на людей перешел?

— Ну, это ему пустое дело. Он не только людей, он и свиней даже лечит. Со свиньями тоже к нему все идут.

Хороший диалог... По ведомству Нар- комздрава. Даже у Глеба Успенского такой не скоро найдешь. А вот у нас в 1923 г.—большой прогресс.

ИЗ АРХИВА „КРОКОДИЛА“

Кредитоспособность на местах.

Телеграмма:

Знакайск. Уездисполком. Срочно. Отделение Госбанка по встретившейся надобности просит навести справки кредитоспособности гражданина Шмереля, проживающего в Знакайске, по улице Марата точка месяц число номер подпись.

Через неделю—ответ—телеграмма:

Согласно вашей телеграмме номер в ночь на десятое апреля произвели обыск у гражданина Шмереля проживающего по улице Марата точка Обнаруженные че- тыре золотых десятики и банкноту в один фунт стерлин- гов изъяли и передали в уездфинотдел сообщите даль- нейших мерах точка месяц число номер подпись.

Тоже дипломатическая нота.

Во ВЦИК'е получено следующее письмо:

Г. Тиман.

Фабрика химических продуктов Столып в Пом, 6 апреля 1923 г.

Русскому правительству, Можва. В 1812 году Россия остановила французские пол- чища.

Если бы теперь Россия в союзе с Турцией настоя- чиво предложила Франции в течение 8 дней очистить Гурскую область и если бы и Германия присоединилась к этому протесту, то Франция, не доводя до войны, вероятно приняла бы это предложение.

Тогда в Европе был бы восстановлен мир и весь свет смотрел бы на правительство России, как носителя мира.

С совершенным почтением

Г. Тиман.

— «Мир на земле! — воскликнул Юз —
Война — такая это драма!
Союз сердец и душ союз —
Вот наша новая программа!»

Так бестревожен птичек клир!
Ничто нам не грозит бедою!..
Да, на земле как будто мир,
Но пахнет «бойней» — под водою!..

Подарок молодым журналистам.

От составителя.

Идя навстречу назревшей в широких журналистских кругах потребности иметь краткое толковое руководство к составлению передовиц, фельетонов, телеграмм от собственных корреспондентов и прочего, редакция Крокодила опубликовывает для всеобщего пользования несколько рецептов.

1. Изготовление передовиц.

Взять Пуанкаре, Муссолини, Ллойд-Джорджа, изрубить мелко на 800—1000 строк плотного корпуса, затем взять и истолочь двух меньшевиков и трех эсеров. Все это хорошенько смешать и держать в портфеле дня три-четыре. Перед употреблением посыпать мировой революцией и подавать ежедневно по два столбца.

2. Обличительный фельетон.

Взять упитанного члена правления Треста, пропустить через машинку (не пишущую), полить отваром ЭР-Ка-И или посыпать перцем фирмы ГПУ. Полученную массу выставить за решетку, где студить от года до трех лет, смотря по качеству продуктов. Перед употреблением в печати полить соусом а-ля Крокодил (для москвичей можно посыпать красным перцем).

3. Антирелигиозный фельетон.

Взять обыкновенного бога, изрезать вдоль и поперек, затем добавить попа и двух моншек. Полученную массу облить двумя четвертями само-

гонки, вскипятить и разлить по бутылкам. Перед употреблением в печати взбалтывать курсивом с восклицательными знаками.

4. Телеграмма от собств. корреспондентов.

Берется лист белой бумаги, всовывается в пишущую машинку и затем печатается: «Чебоксары. От нашего собственного. Крестьянство лихорадочно готовится к предстоящей посевной кампании. Закупаются скот, семена и инвентарь. Посевная площадь будет увеличена на 30 процентов».

«Ейск. От нашего собственного. Положение школ, по сравнению с прошлым годом, значительно улучшилось. Произведен ремонт зданий, закуплены учебники. Школярикам выдан аванс в счет жалованья за декабрь 1922 года».

«Краснококшайск—от собственного. Вообще, все очень прекрасно». Тоже, только наоборот, надо делать и для телеграмм из Лондона, Парижа и прочих заграниц.

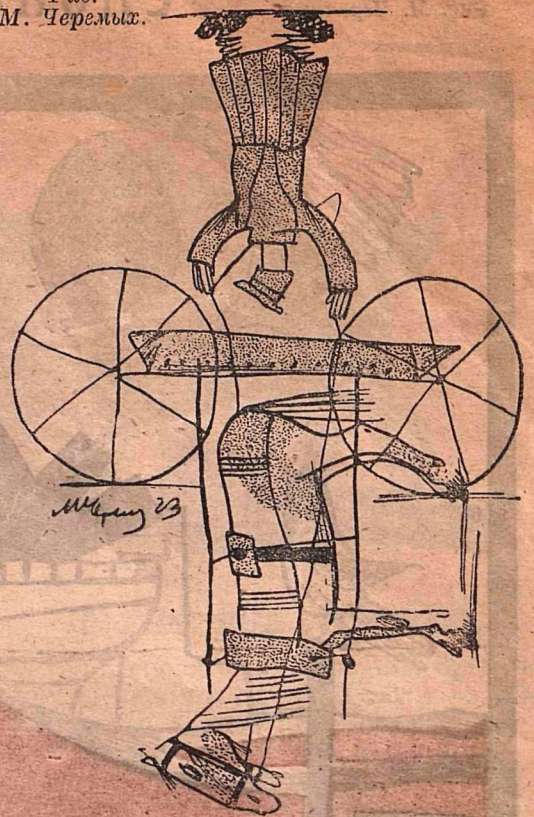
5. Новости науки и техники.

Изготавливается также, как и предыдущее. Печатается: «Чудовищный геликоптер. Американским инженером Вудро Вестингаузеном изобретен грандиозный геликоптер, поднимающий сразу 3750 пассажиров и 10000 тонн груза. Геликоптер снабжен пятью двигателями по 1000 лошадиных сил каждый и может продержаться в воздухе без спуска 128 часов».

6. Почтовый ящик.

Изготавливается крайне просто. Берутся три слова: «Не пойдет. Слабо. Бросили в корзину». В зависимо-

Рис.
М. Чермык.

сти от материала слова варьироваться. Рецепт очень дешев, но непитателен. Архип Южный.

Во многих частных больницах и лечебницах в Москве и по сие время красуются иконы.

Из газет.

Рис. Ив. Малютин.

ДОКТОР:—Я за визит беру не дорого: я и ста миллионами довольствуюсь.
ПАЦИЕНТ:—Вся лечебница у вас богами увешана, а цены—нелзя сказать, чтоб и были божеские!.

Рис. Д. Мельникова.

В английском парламенте на днях поднялись горячие дебаты, причем от слов перешли к делу, и между отдельными членами парламента начался вастсащий Сой в рукопашную.
Из газет.

ПАРЛАМЕНТ В АНГЛИИ

Лорд, крича, стремится к лорду:
Драка, буря, ураган!
Лорд в испуге: лорду в морду
Боштен с кафедры стокан!

Лорды сбиты, лорды смяты,
И пугает их судьба;
Скоро в Лондон на палаты
Перенннется борьба!

История в лавке А. А. Трепыхалова,

(рассказанная в пивной хозяином Трепыхаловым: мануфактурщику Воротилову).

— Узнал я сторонкой, что один из моих молодцов... Знаешь, Васька Хромов? Ну, веснушчатый такой, рыженький? Там у левого прилавка рыбу стпускает? Знаешь? Ну вот! Узнал я сторонкой, что он коммунист. Понимаешь, какая история? И кто бы мог подумать? Рекомендовал мне его Пров Семеныч—я на него, как на правую руку полагаюсь, еще до большевиков с мальчигов у меня школу проходил. Ну вот! Узнал.—Э, думаю, паршивую овцу из стада вон. Как-то после запорки велел Ваське остаться, прошел с ним в заднюю комнатку и прямо к делу:

— Я, говорю, хочу с тобой, Василь Трофимов, по душам. Коммунистов, говорю, я очень уважаю, а только...

Тут он меня перебил,—понял, чорт:

— Я, говорит, Лексей Лексеич, не коммунист. А если хотите, говорит, на чистоту—то извольте: сочувствую.

Понимаешь? Тут я и начал стегать:

— Так, так, говорю... Сочувствуешь? А чему ты, каналья, сочувствуешь? Что меня до нитки в осьмнадцатом году обобрали—ты этому сочувствуешь? Что ты сам, сукин сын, четверки хлеба в день не имел—этому сочувствуешь? Или, может, ты тому сочувствуешь, что церкви божьи грабят? С честных купцов жили налоги тянут? В квартиру тебе черно-рабочих вселяют? Может, ты этому сочувствуешь? Говори, каналья, чему ты сочувствуешь?

Побелел весь рыжий чорт, глаза этак бесстыдно вытаращил и вдруг, понимаешь, фистулой на меня:

— Попрошу, говорит, вас, Лексей Лексеевич, не забывать! Прошли, говорит, ваши времена! Довольно! И если,

говорит, вы будете еще выражения допускать,—то я приму меры!

Ведь как загнул, сволочь! Меры?! А! Тут уж я совсем себя забыл, очень меня спокойная его рожа взбесила. Знай, что хочешь, говорю, сукин сын, а только чтобы на завтра ноги твоей у меня не было! Иди, целуйся там со своими большевиками. Иуд-предателей, говорю, мне не надо! Расчет!

— Нет, говорит, об этом вы мечтать позабудьте—о расчете. У нас (так и сказал, подлец, «у нас») у нас, говорит, кодекс труда существует, не знаю, говорит, как у вас. Но ежели, говорит, его у вас и нет, то мы вас заставим наш кодекс выполнять.

Надел картуз, хлопнул дверью и ушел.

На другой день я ему расчет выписываю, по всей форме: за две недели вперед.

Не берет

— Какие, говорит, основания моему расчету?

— Не подходишь, говорю, мне. И все тут!

— А я, говорит, уходить от вас не желаю, потому что работу выполнял аккуратно, и вы ко мне ни в чем не придеретесь.

Я шуму подымать не стал. Ругнул его легонечко по матушке и успокоился: пусть, думаю, покуражится на последки, если уж так хочется. Проторчал он за прилавком целый день до семи, как полагается.

На другое утро опять пришел.

Хотел я его выставить, да были дела в жужье,—забыл, потом—думаю. После обеденного перерыва, только, господи благослови, отперли лавку, вваливается он опять и с ним какие-то двое. Показывают бумажки: из союза. Инспекция какая-то. Вижу, пакость с его стороны. Прошли в комнату.

— Почему вы товарища Хромова увольняете?

— Плохо, говорю, работает.

— Укажите недостатки его работы.

Тут я и сел. Если бы подготовиться—можно было бы чтонибудь придумать а тут все мысли спутались.

— На руку, говорю, он нечист!

— А факты у вас есть?

И опять я влип еще хуже.

— Есть, говорю, факты, да не стоит старое белье перемывать... Не подходит он мне, одним словом!

— Может, вы с ним в убеждениях расходитесь?

— Убеждения, говорю, я его не проверял, а только не подходит он мне для работы.

— А раньше вам в течение 8 месяцев он подходил?

Ну, словом, заклевали совсем. А потом, как начали ревизию делать: тот без биржи, этот без биржи, тут непорядок, там непорядок... Пропадай моя голова!

Протокол заставили меня подписать: Ваську не имею права рассчитывать, обязуюсь все исправить... И кроме того в суд обещали стащить.

Оплевали вдрызг.

А через день в газете напечатали про меня и портрет мой в смешном виде. Непохож совсем, а мясник Илья Петров ржёт:

— Вылитый!

Над чужой-то бедой легко смеяться.

Что? Васька? Что жэ Васька? Васька служит. Не могу же я из-за него дело закрывать. И такой стал исполнительный чорт,—ни к чему не придерешься: все у него по закону.

Эх, взял бы я эти все законы да в клочки бы их об Васькину морду разорвал! Переносить его рожи не могу!

В. Кумач.

ЗАПИСКИ НА ЗАБОРЕ.

(Весенний фельетон).

Крест первый.

Решил вести записки моей жизни.

Препятствий покуда два:

— Неграмотен и нет бумаги.

Пошел в первую ступень.

Говорят:

— Велик и без сапогов.

Наследишь!

Сунулся в ликвидацию:

— Ростом не вышел. Мал.

Однако, выход нашел.

Буду ставить покуда на заборах кресты.

Как случай, так и крест.

Потом разберу.

Крест второй.

Мой сожитель по «Ермаковке» говорит:

— Ты, брат, большой сукин сын. Тебе, брат, поди лет за десять. Работать, брат, пора!

— Что работать-то?

— Торговать.

— А зачем?

— Все за тем же!.. Ты что, газет не читаешь? С нетрудового нэпа налог идет! Сто миллиардов!

— С меня не возьмешь... Весь тут.

— Ну, поимущество твое опишут. Так и на стене расклеено.

Поимущество — это хуже. Поимущества у меня много: две зубочистки, брелок с голдой Авдотьей, один сапог и банка помады. Жалко!

— А ты сам-то, чем торгуешь?

— Я, брат, небойсь: я, брат, товар знаю. С руками рвут!

Торгует мой сожитель, оказывается, прошлогодними издатовскими календарями.

Крест третий.

Весь день сегодня завидовал соседу.

От зависти забыл даже врагу—торговке Акулине—в капусту высморкаться.

И то: какая моя жизнь?!

Всю зиму плевками пробивался. Харкнешь барыне сзади на спину—и сейчас:

— Дозвольте обтереть. Фулиганы засморкали.

Она руками.—А ты ей в карман—раз: так и кормился вежливостью.

Крест четвертый.

Весь день решал, на чем остановиться.

Очень нравится следующее:

— Кому жениться, кому разводиться? Кому торговать, кому наживать? Кому милой сережки покупать?.. Бедным—богатым, холостым—женатым, кривым—горбатым, американский и японский попугай вынимает счастье—налетай! Эй, навались, у кого деньги завелись. Давай, получай, попна вырчай!..

Рис. Ив. Малютина.

В селе Гильязово, Златоношского округа, поп после реви в которой сознался, что обманывал народ, сбросил с себя рясу, позвал цырюльника и под гром аплодисментов крестьян, велел обрезать волосы. «Правда».

ПОП (цырюльнику):—Стриги, голубчик! Брей, ненаглядный! В мертвой церкви мне делать нечего! Пройдет годик, волосы у меня отрутут,—я тогда в живую церковь запишусь!..

И музыка.

Хорошо бы обзавестись такой штучкой, одно только сомнительно: американская!.. Вдруг подделка, в роде американских подошв?

Крест пятый.

Начал торговать.

С утра выложил всю партию: помаду, зубочистки, брелок.

Приценивался человек—60. Здорово!

Крест шестой.

Подъехал сегодня верховой «милтон». Слез.

— Эй, говорит, купец, катись отсюда.

— Чево?

— Катись, катись, не указано торговать!

— А голую Авдотью смотреть указано?..

— Это, говорит, указано. Для холостого времяпрепровождения хорошо.

— Эх, ты, отвечаю, се-ледка!

Не понимает шутки: поволок в милицию.

— Простите, говорю, дяденька. Больше не буду!

Погиб мой брелок.

Крест седьмой.

Весь день сочинял слова под помаду.

Сожитель говорит:

— С этого, брат, все Чарлы Чаплины начинали. Без этого, брат, нельзя. Бери пример.

Брат, так брат Кажется, выходит хорошо:

— Вот помада, кому надо. Совершенно меняет вид: значительно молодит! Из последней заграничной моды—не боится никакой погоды. Хватай—налетай, оптом скидка!

О скидке—для солидности фирмы загнул.

Крест восьмой.

Ура! Помаду продал.

Оборотил в ситцевые кепки. Одну продал тоже.

Сожитель говорит:

— Ты, брат, сколько нажил? Лимон нажил? Гляди, брат. Другой трест столько в год не заработает, сколько ты в день.

Крест девятый—последний.

Расширяю дело.

Прибавил спички и фунт халвы

Начинаю подумывать о даче.

Только еще не решил—куда.

В Сокольниках хорошо на предмет природы, в Поповекой Стрешне—очень название нравится и много заборов.

Последнее для меня чрезвычайно важно:

— Есть, где продолжать записки.

Алекс. Григорович.

СПОР.

У журналиста Петитова собралась компания гостей: трое рабфаковцев—товарищ Гайкин Степан и товарищи Надя Молоткова и Женя Гомельская, живописец Арофел, фоновец Митя и ученица балетной студии Ася Пируетова.

Петитов, сидевший без копейки денег и боявшийся, что гости потребуют чая, старался направить разговор на такую тему, которая заставила бы гостей забыть о требованиях желудка и быть сытыми одними спорами о высоких материях.

Вначале вечера Петитов читал стихи пролетарских поэтов, потом, видя, что внимание слушателей рассеивается, перешел на стихи футуристов. Когда и это не помогло, Петитов двинул тяжелую артиллерию.

— Что бы не говорили и не писали, — сказал он безо всякого повода, — но Мейерхольд — гениальный режиссер.

Прием Петитова оказался великолепным.

— Мейерхольд — это же кошмар! — заверещала Ася Пируетова, — это ужас!

— Товарищ! — загудел Гайкин, — вы меня извините, но вы смыслите в этом, как одно домашнее млекопитающее в апельсинах.

— Посадить бы его в огуречный рассол, — пробасил Арофел, — надеть на голову намиланву, а в руки дать утюг.

— Почему утюг! — вцепилась в Арофела Надя и Женя.

Спор разгорелся и должен был закончиться, по подсчету Петитова, не раньше пяти часов утра.

— Уж в это время никто чая не попросит, — подумал Петитов и подливал масло в огонь.

— Нет, кричал он, Мейерхольд — гений.

Петитов ошибся. Спор закончился не в пять, а значительно позже.

В восемь часов утра. Фоновец Митя, напрягая усилия к тому, чтобы глаза его не слиплись, слушал товарища Гайкина, неутомимо гудящего:

— Ежели вы мещанин, ступайте в кабаре или в какуюнибудь студию МХТ, а ежели вы современный человек, так умеете не только вздыбливать землю, но и смотреть и понимать...

— Вы дожны иметь мужество рвать с традицией! — кричал и дуэтом Надя и Женя, тыча в грудь Арофела...

Петитов, которому нужно было к двенадцати часам написать статью, потирал виски и жалобно говорил:

— Ну, бросьте, ребятки, ну его к лешему! Ну, поспорили и будет!

— Ты вот что, — прогудел Гайкин, — ты, брат, сооруди-ка нам чай. После горячего спора, хорошо выпить горячего чайку.

— Я тоже выпил бы чайку, — пробормотал сонный Митя.

— Чтoб вас чорт побрал с вашим Мейерхольдом, — подумал Петитов, а вслух сказал:

— Чайку? Это можно. Вы подождите немного, я сбегаю в лавочку за хлебом.

Петитов убежал на улицу, где проходил около часу, потом он побывал в трех редакциях, везде получил отказ в авансе и усталый и разбитый в третьем часу дня вернулся домой.

У двери он остановился, услышав, что в его комнате кто-то разговаривает.

— Мейерхольд, — услышал он голос Гайкина, — революционер, а вы мещанин!

— Мейерхольд — кошмар, — отвечал голосок Аси, — чудовище! Скажите, товарищ Гайкин, скоро придет Петитов? Я очень хочу чайку!

— Сейчас будет, — отвечал голос Гайкина, — Нет, вы теперь поймите...

Петитов схватился за голову и побежал в четвертую редакцию.

Аох.

„НЕ СРОЧНОЕ ДЕЛО“

На общем собрании рабочих завода «Красный Шпиль», было постановлено: «В виду того, что наша воздушная техника слаба перед американцами и японцами и другими странами общее собрание рабочих просит трест поддержать воздушное общество «Добролет» и купить акции О-ва для данного завода».

Постановление, как и все постановления, было передано в контору для отправки тресту.

Старший помощник младшего делопроизводителя «воспылал благородным гневом»

— Это что еще за выдумки!

— На газету — им давай, на золотой заем — давай, сейчас —

давай. Растащить что ли хотят государственный трест?

Нет, милостивые государи, я как честный патриот Россефесера считаю это недопустимым и не допущу!

Постановление полетело в папку «Несрочных дел».

В которой уже находились: «Заявление на прозодежду рабочим», «Ведомость на жалование», «Ведомость на сверхурочные» и т. д.

Но все-таки каким-то чудом через две недели постановления оказались на столе председателя треста, который разразился речью.

— Довольно быть замарашками... техника прежде всего.

Размахнулся Черкнул: «Срочно купить, не терпит отлагательств».

В центральной Азии, в степи Гоби, найдено к адбще допотопных животных, размером своих превышающих самых больших животных, которых знала наука.

Из газет.

Рис. Д. Мельникова

Крокодил (допотопным животным): — Здравствуйте, здравствуйте! Мы теперь с вами — коллеги: Животных таких размеров, как вы, не знала наука, да и крокодилов, которых из ротации старых машин вылетают, — наука также не знала!..

От председателя к пом.у. Тот тоже резолюцию: «Немедленно».

От пом.а к завпому. Этот, не читая, по привычке: «Создать комиссию».

От старшего бухгалтера резолюция — (немного поэт):

«Комиссию создавать, — зря время терять, будьте американцами. Лидочка, напиши отношение».

Позвонил: Вошел курьер-комсомолец.

Бухгалтер бросил бумажку К машинистке!

Когда курьер-комсомолец принес постановление, Лидочка выстукивала на машинке: «Милый Серж...»

— Вы что же пустяками занимаетесь, машинку ломаете? — упрекнул комсомолец Лидочку.

— Как вы смеете, я жаловаться буду, — вспынула Лидочка, — не отрываться же мне от работы, не идти на другой стол к нему лично назначать свидание.

Говорят, что Лидочка положила постановление рабочих в папку «несрочных» дел.

Правильно.

И «техника» у нас развивается, и американцам с японцами нос утерли.

Ферт.

Почтовый ящик.

МОСКВА.

Шитекому. «Хотелось бы получить ответ — стоит ли заниматься этим делом». Стоит. Только рассказы «Великопостное» и «Высшее образование» не напечатать. Слабовато. Пришлите еще.

ПРОВИНЦИЯ.

Донобласть, 27 полк — П. Рыбаку. Крокодиленка 27 полка усыновляем. Ждем писем.

Челябинск — Фомину. — «Довольно, если разрешите, об остальном в следующий раз». — Нет, уж лучше не надо. Не разрешаем.

Отд. Брын. — И. Фурту. «Цели школы» по размеру соответствует по меньшей мере целому году. Не пойдет.

Юрьевец. — Варфоломеевой. Вы действительно запутались в «синих» и «изма». Для Крокодила слишком мудрено.

Харьков — Гасву. «Случай» немело шаржирован. Пришлите еще чтонибудь.

С. Яковлевское. — Прок. Силину. «Хиромант», к сожалению, уже напечатан в Крокодиле с той только разницей, что случай этот был не в Яковлевском, а в Ростове. Из присланного вами кое-что используем.

Чебоксары — Львову. Спасибо за присланное. Большую часть используем. Корреспондированию рады.

Редактор — Ред. Коллэгия.

Издание «Рабочей Газеты».

МОСКВА, Охотный ряд.

КУРИТЕ

ПАПИРОСЫ ВЫСШ. КАЧЕСТВА

МОСК. ФАБРИК

„МОССЕЛЬПРОМА“

ПЕЙТЕ

ВОДЫ

ПИВО

„МОССЕЛЬПРОМА“

конфеты, печенье, шоколад, белый и черный хлеб, дрожжи, макаронны, колбасы, растительн. масла, фр. и мин. воды.

ПОКУПАЙТЕ

ИЗДЕЛИЯ

„МОССЕЛЬПРОМА“

ПРАВЛЕНИЕ:

МОСКВА, Тверская, 15.

Телефоны: 1-23-96, 1-73-80
2-51-31, 92-56.

ЦЕНЫ

НИЖЕ

РЫНОЧНЫХ.

Магазины

Киоски

в МОСКВЕ и провинции.

„ЦЕГОЛЕС“ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЛЕСНАЯ КОНТОРА ЦУЛП'а

ЦЕНТРАЛЬНОГО РАЙОНА.

Цель и задачи „ЦЕГОЛЕСА“: — Снабжение дровами и лесоматериалами центрального промышленного района, а также железных дорог, тяготеющих к означенному району.

Кроме того, „ЦЕГОЛЕСОМ“ выполняются следующие работы:

<p>1. Заготовка, вывозка, сплав и доставка франко-станция, по указаниям потребителей, дровяного топлива и лесоматериалов, по договорам с выполнением:</p> <p>а) на лесосеках, представленных их потребителями,</p> <p>б) подлежащих приобретению за счет потребителей,</p> <p>в) подлежащих „ЦЕГОЛЕСУ“.</p>	<p>2) По сделкам купли-продажи и транспортированию дровяного топлива одновременными партиями.</p> <p>3) По топливно-погрузочным операциям.</p> <p>4) По операциям отвода лесосек.</p> <p>Указанные выше работы „ЦЕГОЛЕС“ выполняет по поручениям наркоматов, синдикатов, трестов,</p>	<p>государственных и кооперативных учреждений. Территория деятельности „ЦЕГОЛЕСА“ — Центральный промышленный район (Московская, Владимирская, Тульская, Калужская, Тамбовская, Рязанская, Нижегородская, Смоленская и Сибирская губернии).</p>
---	---	--

Адрес: МОСКВА, Солянка, д. № 1 (вход с проезда по Ивонозскому пер.).

<p>Начальники управления:</p> <p>Управдел. С. Е. Флоранский Тел. 1-61-45</p> <p>Нач. Произв. Упр. А. З. Каган 1-92-51</p>	<p>Начальник Цеголеса Д. Г. ЛОНЧИНОВ Тел. 1-59-56</p> <p>Зам. Начальника Цеголеса М. Л. ГРИНШТЕЙН Тел. 2-22-50</p> <p>Нач. Ком. Упр. Н. Я. Бродяцкий Тел. 1-92-94</p> <p>Главн. Бухг. Н. В. Кестин 1-92-29</p>	
---	--	--

ХИМИЧЕСКАЯ ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННАЯ КОНТОРА ЦТО „ХИМПРОМТОРГ“ ВСНХ

ПОКУПАЕТ и ПРОДАЕТ ЗА НАЛИЧНЫЙ РАСЧЕТ и в ТОВАРООБМЕН ПРОДУКТЫ НЕОРГАНИЧЕСКОЙ и ОРГАНИЧЕСКОЙ ХИМИИ, ФАРМАЦЕВТИЧЕСКИЕ ПРЕПАРАТЫ и МОСКАТЕЛЬНЫЕ ТОВАРЫ, ЖИРЫ и МАСЛА РАСТИТЕЛЬНЫЕ и МИНЕРАЛЬНЫЕ.

ЭКСПОРТНЫЕ и ИМПОРТНЫЕ ОПЕРАЦИИ

Государственным учреждениям и кооперативным организациям при покупке крупными партиями — СКИДКА.

КОНТОРА: Фуркасовский пер. (уг. Мясницкой ул.), д. 12.

Телефоны: 48-59, 1-17-80, 70-82.

ОПТОВО-РОЗНИЧНЫЙ МАГАЗИН „ХИМПРОМТОРГА“

отпускает государственным учреждениям, кооперативным организациям и частным лицам химтовары как крупными, так и мелкими партиями.

Маросейки, уг. Златоустинского пер., д. 7/8. Тел. 88-01.

КРОКОДИЛ

Золотое сердце.

Рис. Ив. Малютина.

В одной только Москве ныне находится свыше 20.000
беспризорных детей.

Из газет.

Биржевой маллер (беспризорному ребенку):—Вот тебя, голубчик, тысяча рублей в деньгах 1922 года. Истрать их скорее, а то—деньги п-дают...